

Измаил-Бей

Автор:

Михаил Лермонтов

Измаил-Бей

Михаил Юрьевич Лермонтов

«Измаил-Бей» (1832), по определению Лермонтова, «восточная повесть», самая большая по объему и самая значительная из его ранних кавказских поэм. Сюжет «Измаил-Бея» в известной степени связан с реальными историческими событиями, происходившими на Кавказе в начале 19 в. Некоторые факты, нашедшие отражение в поэме, совпадают с биографией кабардинского князя Измаил-Бея Атажукина, который служил в русской армии, участвовал в войне с турками и был награжден за штурм Измаила.

Из «Лермонтовской энциклопедии»

Михаил Юрьевич Лермонтов

Измаил-бей

Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье

Душе безжизненной моей

И превращает в пенопенье

Тоску, развалину страстей.

Так, посреди чужих степей,

Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

So moved on earth Circassia's daughter

The loveliest bird of Franguestan!

Byron. The Giaour.[1 - Так двигалась по земле дочь ЧеркесииПрелестнейшая
птица Франгистана.Байрон. Гяур. (Англ.)]

1

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга да утесы гор.

Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как тени,
Как над главой огромных привидений
Колеблемые перья, - и луна
По синим сводам странствует одна.

2

Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и поток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блестит как цветы небес и рая...
В вечерний час дождливых облаков
Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,

Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних дней,
Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиденье,
Когда он зрит холмы своих полей...
Меж тем белей, чем горы снеговые,
Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в ряд,
Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им вечно!..

3

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;

Там за добро – добро, и кровь – за кровь,

И ненависть безмерна, как любовь.

4

Темны преданья их. Старик-чеченец,

Хребтов Казбека бедный уроженец,

Когда меня чрез горы провожал,

Про старину мне повесть рассказал.

Хвалил людей минувшего он века,

Водил меня под камень Росламбека,

Повисший над извилистым путем,

Как будто бы удержанный аллою

На воздухе в падении своем,

Он весь оброс зеленою травой;

И не боясь, что камень упадет,

В его тени, храним от непогод,

Пленительней, чем голубые очи

У нежных дев ледяной полуночи,

Склоняясь в жар на длинный стебелек,

Растет воспоминания цветок!..

И под столетней, мшистою скалою

Сидел чечен однажды предо мною:

Как серая скала, седой старик,

Задумавшись, главой своей поник...

Быть может, он о родине молился!

И, странник чуждый, я прервать страшился

Его молчанье и молчанье скал:

Я их в тот час почти не различал!

5

Его рассказ, то буйный, то печальный,

Я вздумал перенести на север дальный:

Пусть будет странен в нашем он краю,

Как слышал, так его передаю!

Я не хочу, незнаемый толпою,

Чтобы как тайна он погиб со мною;

Пускай ему не внемлют, до конца

Я доскажу! Кто с гордою душою

Родился, тот не требует венца;

Любовь и песни – вот вся жизнь певца;

Без них она пуста, бедна, уныла,

Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,

Где по кремням Подкумок мчится,

Где за Машуком день встает,

А за крутым Бешту садится,[2 - Две главные горы. (Примечание Лермонтова)]

Близ рубежа чужой земли

Аулы мирные цвели,

Гордились дружбою взаимной;

Там каждый путник находил

Ночлег и пир гостеприимный;

Черкес счастлив и волен был.

Красою чудной за горами

Известны были девы их,

И старцы с белыми власами

Судили распри молодых,

Весельем песни их дышали!

Они тогда еще не знали

Ни золота, ни русской стали!

7

Не всё судьба голубит нас,

Всему свой день, всему свой час.

Однажды, - солнце закатилось,

Туман белел уж под горой,

Но в эту ночь аулы, мнилось,

Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес – не боле.

8

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание

Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что всё громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть - кинжал двойной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы»,
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,

На русских злобно он взирает,
Иль облаками одеваает
Вершин кудрявых красоту.

9

Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщение народы,
И пятый год уж настаает,
А кровь джяуров не течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Рослаббек с берегов Кубани
Князей союзных поджидал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим врагом:
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,

Висит, прохладу обещая,
Над беззаботным табуном...

10

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной,[З - Две горы, находящиеся рядом с Бешту.
(Примечание Лермонтова)]
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

11

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем

Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обводит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремяна, дрожит, пылает.
Всё пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Всё одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? – За кровлю сакли белой
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

12

Кто ж этот путник? русский? нет.
На нем чекмень, простой бешмет,
Чело под шапкою косматой;

Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;
И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся – он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно всё, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у берегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,

Развратом, ядом просвещения
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслаждения,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

13

Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. – Чувства, страсти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень —
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!

И всё прошедшее явилось
Как тень умершего ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть, и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел – что такое?
Как будто на-смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блистая радужным хвостом,
Лежал в траве пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, – вопрошает, —
Давно ли пусто здесь кругом?»
– «С тех пор, как русских устранился
Неустранимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.

Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказание...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный —
Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лавы Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали
Как лезвеё кровавой стали
Глаза его - и в этот миг
Душа и ад - всё было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;

Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, – но из уст ни слова!

16

И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Через камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..

17

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет младая грудь,
И усмирится дум волнение?

Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает мщенье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей
И так отмстит за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, – он шепчет, – знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчаты цепи
Кремнистых бесконечных гор,
И Шат подьёмлется за ними
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»

18

Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны как мечты,
То разойдутся – то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А всё пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.

19

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра

Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать вольней
И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренне гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один,
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность
Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный
Звуча, теряется вдали.
Погас, бледнея день осенний;
Свернув душистые листья,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блится в сумраке ночном.

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чует,
И встал!.. – Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. – (Слышал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменьи над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана
Светилися в ущельи том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Всё в мертвый сон погружено —
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет – великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает. —
Кто здесь? – Я странник! – был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,

Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

23

Меж тем приветно в сакле дымной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блится по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетель меж буркой и седлом.
Они заводят речь – о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час —
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,

Старик дивится молодому.

24

Он сам лезгинец; уж давно

(Так было небом суждено)

Не зрел отечества. Три сына

И дочь младая с ним живут.

При них молчит еще кручина,

И бедный мил ему приют.

Когда горят ночные звезды,

Тогда пускаются в разъезды

Его лихие сыновья:

Живет добычей вся семья!

Они повсюду страх приносят:

Украсть, отнять – им всё равно;

Чихирь и мед кинжалом просят

И пулей платят за пшено,

Из табуна ли, из станицы

Любого уведут коня;

Они боятся только дня,

И их владеньям нет границы!

Сегодня дома лишь один

Его любимый старший сын.

Но слов хозяина не слышит
Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

25

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движеньи черных глаз,
Всё, что так дружно с первыми мечтами,
Всё, что встречаем в жизни только раз,
Не отличит от красоты ничтожной,
От красоты земной, нередко ложной?
И кто, кто скажет, совесть заглуша:
Прелестный лик, но хладная душа!
Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать людей!

Пусть, подойдя, лезгинку он узнает:
В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах кровь;
Но только удалится образ милый —
Он станет сомневаться в том, что было,
И заблуждёнью он поверит вновь!

26

Нежна – как перы молодая,
Создание земли и рая,
Мила – как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно-мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота —
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;

Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; - уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщина видна!

27

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом,
И улыбнулась; и потом
Уйти хотела; и не знала
Идти ли? - Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвеё
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! - смутилась дева,
Но, не боясь отцова гнева,

Она осталась, – и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;
Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется – но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, – но хладный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он? – ей вновь досадно,
Сама не знает почему.
Черкес ловил сначала жадно
Движенья глаз ее живых;
И, наконец, остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склонились,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастие
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, – так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостию детской

Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют,
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекий,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе всё внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед,
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится!

30

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»
.....

31

Пора! – Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога

Радушно гостя проводил.

И странник медленно выходит,

Печалью тайной угнетен;

О юной деве мыслит он...

И кто ж коня ему подводит?

32

Уныло Зара перед ним

Коня походного держала

И тихим голосом своим,

Подняв глаза к нему, сказала:

«Твой конь готов! моей рукой

Надета бранная уздечка,

И серебристой чешуей

Блестит кубанская насечка,

И бурку черную ремнем

Я привязала за седлом;

Мне это дело ведь не ново;

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Так двигалась по земле дочь Черкесии

Прелестнейшая птица Франгистана.

Байрон. Гяур. (Англ.)

2

Две главные горы. (Примечание Лермонтова)

3

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (Примечание Лермонтова)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mihail-lermontov/izmail-bey>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)